

ОВЦА. В изображении на фронте Собора св. Павла Христа в виде жертвенного ягненка Р. видит в отличие от православного обожествления *человека* католическое обожествление *природы*: «Стоит этот ягненок боком к входящим в храм; но головка его, кроткая, как у овцы, повернута к молящемуся, и широко расставленные (горизонтальные) большие уши издали представляются как бы раскинутыми руками распятого человека. Вся голова ягненка с этими характерными ушами включена в широкий золотой венчик святых (нимб). Получается поразительное впечатление <...> “Sancta natura” <Святая природа> — это у нас, на *Востоке*, никогда не придет на ум; в *Италии* — это всюду» (СХ, 36–37). Образ О. выступает у Р. моделью *жизни* для человеческого общества в онтологическом аспекте — с точки зрения *пола* он определяет ее образом «путь Розанова» как борьбу с рационализмом: «По нему идет “смирренная овца”, “Розанов — овца”, без ума и с кой-какой жизнишкой. Но она спокойно “по-своему” и “по всему миру” ест траву и совокупляется, “ажю хочется”, и всему миру дала... во всем мире возродила вновь *силу* и жажду и есть и (с пропуском одной буквы тоже)» (М, 119). В этом образе О., которая для Р. является идеалом утраченной человеком естественности половой жизни, ее традиционно христианские значения (чистота, *кротость*, смирение) переосмысляются в языческом, в материально-телесном аспекте (плодовитость и плодородие). Полемизируя с *христианством*, Р. соотносит себя с ягненком, противопоставляя христианской символике ягненка как жертвы Христовой его языческие значения (плодовитости, плодородия, изобилия): «Мне 63 года. И вот я как ягненок. Как молодой баранчик <...> двукопытный теленок, полный бляения и с *ртом*, наполнен-

ным выменем моей матери» (АНВ, 164). Образ О. возникает у Р. как идеал естественной и органичной нравственности в его полемике с моралистами: «“При высшей имморальности” я был всегда правильно-моральным существом. Разве овца, дворняшка и свинья — имморальные существа? Тогда — я с ними. Но я думаю, овца не уступит Сократу в морали» (М, 38).

А.А. Медведев

ОГОНЬ. С раннего детства Р. притягивал О., и эту тягу он ощущал всю жизнь. «Когда я был младенцем, вид огня (печь топится) производит на меня гипнотическое воздействие <...> взлизы огня, красный цвет его. Движение его, жизнь его — особенно!!! Я бы никогда не отошел от печки. И плакал, когда меня отводили. Я думаю, в таком “гипнотическом действии” лежит корень древнего “поклонения огню” и всех языческих “огонь на жертвеннике”» (СХР, 198). «Да мое любимое занятие от 6-ти до 8-ми лет было следующее: подойдя к догорающей лежанке, т.е. когда $\frac{1}{2}$ дров — уже уголь и она вся пылает, раскалена и красна, я, вытащив из-за пояса рубашонку (розовая с крапинками, ситцевая), устраивал парус. Именно — поддерживая зубами верхний край, я пальцами рук крепко держал нижние углы паруса и закрывал, почти вплотную, отверстие печки. Немедленно красивой дугой она втягивалась туда. Как сейчас, вижу ее: раскалена, и когда я отодвигался, и парус, падая, касался груди и живота — он жег кожу. Степень раскаленности и красота дуги меня и привлекали. Мне в голову не приходило, что она может сразу вся вспыхнуть, что я стоял на краю смерти. Я был уверен, что зажигается “всё от огня”, а не от жару и что нельзя ж зажечь рубашку иначе, как “поднеся к ней зажженную спичку”: “такой есть один способ горения”. И любил я всегда это делать, когда в комнате один бывал, в какой-то созерцательности» (У, 116–117). Об огромном потенциале О., о его загадочной сущности и родстве с солнцем рассуждает Р. на страницах «Возрождающегося Египта»: «Мы “в огне будем гореть” и вообще “огонь, по-нашему, есть ад”; между тем в древности, совершенно обратно, огнем очищались, и в одном месте Библии (Второзаконие, гл. 4, ст. 24) Моисей говорит евреям: “Ибо Господь Бог твой есть огонь поедающий, Бог ревнитель”. Вообще огонь, т.е. обыкновенный и будто бы только физический, есть тоже загадка: всё горит, сгорает, сгорая, обращается в нуль или рассеивается в стихии, как в смерти мы тоже обращаемся в нуль или рассеиваемся в стихии <...> Бабочки тоже “летят на огонь” <...> Их как будто тянет огонь, как землю тянет огненное солнце; как огненное солнце тянет растения из земли и из человека тянет мысли. Солнце рождает, солнце и сжигает» (ВЕ, 298). В «Сахарне» Р. приводит рассказ знакомого о тяге насекомых к О. «Бабочка рвалась на горящую свечку, отскакивала от пламени, уже сожегши ножки и, очевидно, испытывая боль, муку и страх: и в конце — точно прошибая препятствие, как бы цирковая наездница прошибая круг с натянутой на него бумагой, — кинулась в самое пламя, затрепетала, билась и сгорела <...> Однажды мы зажгли костер. И вот вижу я, что гусеница — которые вообще ползают очень медленно — издали как-то неуклюже, но с всем доступным ей старанием и доступною быстротой, всё скорее и скорее, начала ковылять к

костру... ковыляет, ковыляет... ближе, ближе, печет ее, всё ковыляет и... испеклась!!! <...> Ведь это молох животных, насекомых. Ведь это кусочек религии, финикийских храмов, карфагенских <...> Ибо “сгореть” — это “судьба насекомого” <...> Т.е. в организации есть “Рок” — “сгореть, если встретится пламя”, и она падает в пламя, как уже извечно и от сотворения мира обретенная смерть» (СХР, 121). Огромной мощью обладает шаровая молния: «Тогда со страшным ударом она разрывается и обращает в щепы утварь комнаты, мебель, а дом — воспламеняет. Всё искорежено, изуродовано, сожжено или обожжено» (АНВ, 153). Но тихий, ровный свет божницы ближе душе Р.: он несет мир в семью. «А по воскресеньям и накануне праздников — как это было хорошо. На старом (без употребления) подносе стоит ряд лампадок. Во всё наливается масло. Это — в столовой, и стоят они с огоньками, как свечи “на кануне” в церкви... И вот эти огоньки уже несутся (в руках) в разные комнаты, в спальню, в детские, в кабинет...» (У, 299). В статье «Огни священные» (НВ. 1902. 14 апр.) Р. приводит рассказ Геродота о празднике Возжжения Лампад в Египте (ОЦС, 338). В восприятии писателя О. выступает как образ или символ. Из пламени озарения исходит мировой пожар, рождающий ноумен пола. «Египтяне <...> посмотрели “электрическим взглядом” в “электричество”. Получилась чудовищная вспышка, “небеса загорелись”, “земля загорелась”, всё пришло в “движение”, объялось пламенем, пламенностью, живостью самого неизмеримого <...> Они первые сознали, что собственно, единственно, религиозною темою может и должно служить половое в нас лицо» (ВЕ, 103–104). В статье «Семья как религия» Р. говорит об О. брака: «“Огонь с небеси”, “небесный огонь”, есть огонь пламени брачных уз, постигнутых в небесном своем происхождении, которым свяжется человечество, начав религию рождений взамен религии умирания» (У, 449). Эта мысль развивается в «Апокалипсисе нашего времени»: «“Нет греха” ни в каком вообще единении, плотском и духовном <...> больше любви и больше огня. А “огонь” “сплавляет души”. Вот этот-то сплав единения, сплав через огонь, сплав через таинство <...> оно и есть настоящее таинство. Как и органически: ведь это есть великая тайна, и через нее зажигается новая жизнь» (АНВ, 75). «У египтян — везде одно: тело также всё собрано в “стрелу”, всё соединено проходящим через тело огнем, как вы не увидите ни у одного из обвислых Аполлонов, которые как бы держатся за плечи матушки родной, со словами: “Зачем же ты меня такого безжизненного родила?”» (АНВ, 373). «Огонь, очищающий всё и оставляющий одно чистое золото — это и есть огонь скарабея» (АНВ, 94). По Р., существует и «другой» огонь, отличный от брачного, «virginis ignos, девственный огонь это — огонь Весты» (АНВ, 247). «“Весталки, — они хранят огонь”. Тот “огонь”, без которого ничего не испечёшь» (ПЛ, 57). О. таится в «молоке мира»: «И дает мне молоко, и в нем мудрость и огонь» (У, 370). «Мир “искрометен” и потому горит. Горение — его сущность. Горение, а не сгорание. Мир никогда не сгорит и особенно не погаснет» (АНВ, 245). «Пламя? уголья? Да, — “тоже”: ибо кровь бежит, горячая... И мир — в страсти и огне» (СХР, 347). «Противоречия, пламень и горение. И не надо гасить. Погасишь — мир погаснет. Поэтому, муд-